

Марина
СЕРОВА

Продается случайная смерть

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Продается случайная смерть

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Продается случайная смерть / М. С. Серова — «Эксмо»,
2017 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-96377-5

В тихом уютном Тарасове один за другим начинают исчезать молодые привлекательные мужчины. Следствие разрабатывает версию о религиозной секте нового типа, объявившей сафари на живых людей. К делу подключается частный детектив Татьяна Иванова – единственная, у кого хватает терпения разгадывать загадки преступников вроде ковбойской шляпы, забытой на месте преступления, или телефонных звонков с несуществующих номеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96377-5

© Серова М. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Продается случайная смерть

Глава 1

Скорый поезд Астрахань – Москва мчался среди лугов, полей и зарослей кустарников. Я возвращалась из Астрахани в Тарасов, закончив свое очередное расследование. Так получилось, что преступника пришлось отлавливать вдали от родного города. Пейзаж за окном радовал буйством зеленых, красных и желто-оранжевых красок – такое бывает лишь осенью. Впрочем, не только в природе. Я перевела взгляд на свою соседку по купе, сидевшую напротив меня. Это была дама слегка за пятьдесят с весьма пышными, прямо-таки рубенсовскими формами. Крупные локоны необычайно рыжего цвета красиво ниспадали на шею и удивительно гармонировали с одеянием женщины – свободного покроя туникой, которая переливалась практически всеми цветами радуги.

– Аделаида Леонидовна Хмельницкая, – сказала дама и протянула мне руку, как делают мужчины при знакомстве.

Рука оказалась мягкой и нежной, с ухоженной кожей. Я машинально пожала ее и в свою очередь представилась:

– Татьяна.

– А отчество? – строгим голосом учительницы спросила женщина.

– Татьяна Александровна, – ответила я.

Хмельницкая продолжала выжидательно смотреть на меня, и я поспешила добавить:

– Иванова. Татьяна Александровна Иванова.

Аделаида Леонидовна удовлетворенно кивнула. Мне почему-то показалось, что сейчас она скажет, как на уроке: «Садись, Иванова».

– Но можно просто Татьяна, – предложила я.

– Да, пожалуй, можно, – согласилась Хмельницкая, – ведь вы еще такая молодая! А вот мы с Бориславом Константиновичем – это мой муж, – уточнила она и кивнула на мужчину, который сидел у окна и читал газету, – мы уже старики. Ведь так, Борислав?

Тот неопределенно пожал плечами и продолжал читать газету.

– Татьяна, вы едете в Москву или в Тарасов? – спросила Хмельницкая.

– В Тарасов. Я там живу.

– Так мы с вами земляки! – обрадовалась Аделаида Леонидовна. – Мы тоже живем в Тарасове, а в Астрахань ездили навестить родственников. А это наш внук Петя!

Аделаида Леонидовна подняла глаза, и я увидела мальчика лет семи-восьми, который сидел на верхней полке, как раз над Хмельницкой, и болтал ногами в полосатых носках. В руках он держал планшетник.

– Петр, сделай милость, убери ноги от моей головы, ты мне испортишь прическу, – строгим голосом сделала она замечание внуку.

– Бабуля, куда же я их уберу? – спросил мальчик, не отрывая глаз от гаджета.

– Не бабуля, а бабушка! Сколько раз я просила называть меня как полагается!

– Ну-у, это же так длинно: ба-буш-ка... – по слогам протянул мальчик.

– Нисколько не длинно, – возразила Хмельницкая, – слогов ровно столько же!

– Пусть столько же, зато «бабуля» гораздо нежнее, – не сдавался мальчик.

– Так, Петр, хватит мне возражать! Вот, полюбуйте на него! – обратилась она ко мне. – Через год ему идти в школу, а он ведет себя как трехлетний ребенок!

– Да? – удивилась я. – А я думала, что он уже школьник. На вид такой рослый мальчик!

– Нет, ему только шесть исполнилось. Вот мы и решили не отдавать его в школу на этот год – зачем же лишать ребенка детства? Вот его мама, моя дочь Изабелла, пошла в школу в шесть лет. И что хорошего? Нас всех извела, сама все время ныла: скучно ей в школе, хочется в куклы поиграть. В общем... – Аделаида Леонидовна махнула рукой.

– Баб, а я тоже не хочу в школу! – по-прежнему впившись глазами в планшетник, произнес внучок. – Я не пойду в школу, я ее взорву к чертовой матери! Пш-ш-ш! Пых-х-х! И нет школы! Вот так!

– Боже! – всплеснула руками Хмельницкая. – Откуда ты нахватался таких слов? От кого ты их перенял? Отвечай! Борислав, ты слышишь, что говорит твой внук?! Ужас, кошмар! Что люди подумают?

Супруг Хмельницкой все так же неопределенно пожал плечами и продолжал читать. Я тоже была в некотором недоумении. Мне показалось, что мальчик не сказал ничего особенного, из-за чего бы стоило так возмущаться. Некоторые дети гораздо младше него совершенно спокойно употребляют ненормативную лексику.

– Петр, говори сейчас же, кто так выражается? – продолжала допрашивать внука Аделаида Леонидовна.

– Ой, баб, ну чего ты пристала, как банный лист к жопе!

– Что?

Хмельницкая сначала побледнела как мел, потом покраснела как рак. Я уже подумала, что сейчас у нее начнется сердечный приступ. Но она только замахала руками.

– Петр, ты меня доведешь до инфаркта, – слабым голосом наконец проговорила она. – Вот, Татьяна, видите? Вот сейчас и вылезли все изъязны воспитания...

– Что вы, не стоит так переживать, – пробормотала я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Неудобно все-таки сидеть как истукан, когда на твоих глазах разыгрываются такие страсти.

– Ада! – подал голос супруг Хмельницкой, оторвавшись от газеты. – Нельзя ли потише? Я не могу сосредоточиться на чтении.

– Ты только о себе и думаешь! Всегда был черствым, бездушным эгоистом! Твой внук ругается, как пьяный грузчик, а тебе хоть бы хны! – оставив внука в покое, переключилась Хмельницкая на супруга.

– Баб, я не пьяный, – Петя оторвался от своей электронной игрушки и лукаво посмотрел на меня. – Это папа у нас часто пьяный, а мама на него ругается. А моя другая бабушка, папина мама, – это пояснение, очевидно, предназначалось мне, – на маму ругается и говорит: «Если жена хорошая, то муж никогда не будет квасить!». А мама ей: «Это вы воспитали сыночка-алкоголика!» А баба Нина ей...

– Так, Петр, остановись! – Борислав Константинович решительно отложил газету, встал и направился к двери. – Ида, последи же, наконец, за ребенком! Он скоро станет таким же балаболом, как и ты!

– Борис, ты куда? – закричала Хмельницкая ему вдогонку.

– Пойду покурю, у меня от вас голова разболелась! – довольно резко ответил Борислав Константинович и задвинул за собой дверь купе.

– Долго не кури, Слава, – вредно ведь! – прокричала Хмельницкая, но супруг ее, естественно, не услышал.

Мы остались в купе вдвоем, и на какое-то время воцарилась тишина. Я обрадовалась этому, но напрасно: Хмельницкая вскоре пришла в себя, и словесный поток хлынул с новой силой.

– Ах, Татьяна, как же мне не повезло! Вы только представьте себе! Мои предки были родом с Украины. И вот, когда Екатерина Вторая решила пригласить выходцев из Малороссии, мои прадед и прабабка со стороны матери приехали в Поволжье. Тут они сначала добы-

вали соль, потом завели хозяйство, пахали, сеяли, держали корову, еще какую-то живность – в общем, занимались тяжелым крестьянским трудом. Наверное, во мне проявились их гены – ведь я тоже за всю свою жизнь чем только не занималась! По образованию я филолог, окончила наш Тарасовский университет.

Болтливый филолог – страшное дело! Каково же с ней приходится окружающим? Бедный ее супруг – он ведь вынужден каждый день ее выслушивать, да еще и не по одному часу... Неудивительно, что он не выдержал, сбежал покурить. А интересное у него имя – Борислав: вроде как и Борис, и Слава одновременно. Собственно, и у самой Хмельницкой двойное имя – Ада и Ида. А как в таком случае можно было бы звать меня? Тата и Яна? Ладно, Тата еще куда ни шло, но вот Яна... Нет, я бы ни за что не согласилась на Яну!.. Внезапно я спохватилась, что совсем не слушаю Хмельницкую, – а надо бы, хотя бы ради приличия. О чем она сейчас рассказывает?

– И вот, – продолжала Аделаида Леонидовна, – я ушла из школы. А жаль было, очень жаль: я так привыкла к ученикам, да и они ко мне тоже. Но что было делать, что делать? Семью надо было кормить. Борислав Константинович преподавал в университете, и представляете: ему, с его кандидатской степенью, платили просто копейки! Ужас, кошмар! И я ушла в риелторскую контору. А потом, уже гораздо позже, открыла косметический салон. Кстати, вот вам моя визитка.

Хмельницкая достала из сумки визитницу, вынула оттуда розовый кусочек картона и протянула его мне. «Косметический салон «Мимоза», – прочла я на карточке. Ниже были указаны адрес, телефон и время работы салона.

– Милости прошу! У нас вам сделают и стрижку, и прическу, и маникюр, и педикюр, и косметический массаж. У меня работают специалисты высшего класса, вам понравится.

– Спасибо, обязательно приду, – пообещала я.

А про себя подумала, что моя подруга Светка великолепно делает все перечисленное. И зачем тогда менять хорошего знакомого мастера на неизвестно какого незнакомого?

– Так вот, на чем я остановилась? – саму себя спросила Хмельницкая. – Ах да, я рассказывала о Максике!

Стоп! Кто такой Максик? Любимый кот, что ли? Кажется, я пропустила целый абзац в повествовании этой словоохотливой дамы. Но если честно, не хочу я больше слушать ни о чем – ни о Максике, ни о Барсике, ни о ком-либо еще. Голова уже начинает болеть от всех этих рассказов. Последую-ка я примеру Борислава Константиновича и выйду в тамбур покурить.

– Простите, Аделаида Леонидовна, я вас покину, – с вежливой улыбкой произнесла я и, взяв сумку, повернулась к двери.

– Ой, я вас совсем заговорила, извините! Сажу тут, болтаю, а вам, наверное, и неинтересно вовсе, – огорченно сказала Хмельницкая.

Я не стала ее разубеждать и быстренько выскользнула за дверь. Уф, наконец-то можно высунуться в окно и глотнуть свежего ветра!

– Вижу, Аделаида и вас вынудила покинуть купе!

Обернувшись, я увидела Хмельницкого, который только что вышел из тамбура.

– Ничего страшного, ее можно понять, – сказала я. – Надо же как-то скоротать время – в дороге оно так медленно тянется!

Сейчас, когда он не прикрывался газетой, я разглядела его получше. Интересный мужчина, высокий, даже можно сказать стройный для его возраста, с ежиком темных, кое-где тронутых сединой волос и с голубыми глазами. Он смотрел на меня дольше, чем того требовали приличия, и я тоже не сразу отвела взгляд.

– Аделаида Леонидовна – очень интересная собеседница, – произнесла я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Вы так считаете? – хмыкнул Хмельницкий. – Ада слышит только себя, до других ей дела нет. Когда я читаю лекцию, то всегда делаю паузы, чтобы дать студентам подумать о сказанном. Еще важно задавать вопросы слушателям, чтобы их внимание не рассеивалось, постоянно вовлекать в обсуждение того, о чем идет речь. Такого рода интерактив очень эффективен, могу вас заверить. Во-первых, он позволяет мне сразу вычислить тех, кому моя лекция до лампочки, а во-вторых, побуждает заинтересованную аудиторию к осмыслению услышанного.

– Вы преподаватель? – спросила я.

– Да, преподаю в университете философию.

– Учите студентов смыслу жизни? – улыбнулась я.

– Не совсем так, – мягко возразил Хмельницкий. – Вы, наверное, имеете в виду экзистенциализм? Извольте! Экзистенциальная философия, – воодушевляясь, начал он хорошо поставленным лекторским голосом, – зародилась в рамках направления, которое в основу своего анализа поставило проблему существования человека. К этому направлению, помимо экзистенциализма, относятся персонализм и философская антропология. Экзистенциализм берет свое начало в работах Кьеркегора, идеи которого развили Карл Ясперс и Лев Шестов. После Первой мировой войны экзистенциализм получил широкое распространение в Германии и во Франции.

Кажется, я попала из огня да в полымя! Еще неизвестно, кто болтливее, – Аделаида Львовна или ее супруг. Вон как чешет философскими терминами...

– Среди множества проблем, которыми занимается экзистенциальная философия, можно выделить наиболее актуальные: существование человека и его сущность, бытие человека и бытие мира, отчуждение человека от общества. А какова, на ваш взгляд, Татьяна, основная проблема экзистенциальной философии?

– Ну... – замялась я, – наверное, отчуждение человека от общества?

– Совершенно правильно мыслите! – похвалил меня Хмельницкий. – Центральная проблема, на которой сосредотачивают свое внимание наиболее крупные экзистенциалисты, – это проблема отчуждения человека от общества. Отчуждение – это социальный процесс, в результате которого человек и общество становятся противоположны, даже враждебны друг другу. Эту проблему исследовал еще Карл Маркс. Но он изучал эту проблему применительно к капиталистическому обществу XIX века. А на каких позициях стоят современные философы?

Тут Хмельницкий сделал паузу, во время которой мне полагалось осмыслить услышанное, и, не дождавшись моего ответа (ибо институтский курс философии я успела изрядно подзабыть за ненужностью), сам же ответил на свой вопрос:

– Философы-экзистенциалисты рассматривают отчуждение как общую характеристику жизни человека в обществе. Они считают, что философия обязана помочь человеку найти смысл своей жизни в самых трагических ситуациях. Возьмем Карла Ясперса. Он опубликовал цикл работ, посвященных проблеме атомной войны и будущего человечества. Перед философией нашей эпохи Ясперс поставил весьма ответственную задачу: убедить человечество, партии, отдельных индивидов в том, что необходимо использовать высшие возможности человеческого бытия в борьбе с охватившим людей отчаянием.

Размышлять о проблемах существования, откровенно говоря, не входило в мои ближайшие планы, но кое в чем в этот момент я точно почувствовала солидарность с человечеством: меня тоже охватило отчаяние. Похоже, Хмельницкий за время поездки в Астрахань соскучился по своим студентам и решил немного поработать на мне. Не переставая вежливо кивать, я начала медленно пятиться по коридору, пока наконец не удалась на безопасное расстояние, чтобы можно было с чистой совестью повернуться к непрошеному лектору спиной и скрыться в соседнем вагоне. Открывая дверь в тамбур, я обернулась и увидела, что Хмельницкий все так же стоит у окна – там, где я его оставила. И, что самое удивительное, он, кажется, продолжал читать лекцию, потому что губы его шевелились!

Сбежав от Хмельницкого, я направилась в вагон-ресторан. Там мне предложили салат из помидоров и огурцов и бефстроганов с жареной картошкой. Поужинав, я подозвала официанта и заказала еще и кофе. Но стоило мне сделать первый глоток, как дверь в ресторан открылась, и прямо к моему столику ринулась вся троица Хмельницких. От неожиданности я чуть не поперхнулась.

– Ах вот вы где, Татьяна! – воскликнула Аделаида Леонидовна. – А мы тоже решили подкрепиться. Официант!

В ожидании заказа она вновь принялась щебетать, но внезапно прервала свой монолог, наконец-то вспомнив об аудитории, как рекомендовал делать ее муж:

– Ой, я же хотела вас спросить! А где вы работаете, если не секрет?

– Никакого секрета. Я работаю частным детективом.

– Не может быть! Вы шутите?

– Совсем не шучу. Вот моя лицензия, – сказала я, вынула лицензию из сумки и показала Хмельницкой.

– Надо же, – продолжала изумляться Аделаида Леонидовна. – Если честно, я думала, что частные детективы только в кино бывают, – в жизни ни разу с ними не встречалась. И потом, мне всегда казалось, что частный сыщик – исключительно мужская профессия. Ведь это так опасно! К тому же вы такая эффектная девушка... Ваша внешность не мешает работе? То есть я хочу сказать, у вас такие запоминающиеся черты, что вам, наверное, трудно оставаться незамеченной, когда нужно. А визитка у вас есть?

– Конечно. Вот, держите.

– Расскажите о своей работе, когда мы вернемся после ужина? – спросила Аделаида Леонидовна, пряча мою визитку в сумку.

– Обязательно, – заверила я ее.

Расплатившись за ужин, я вернулась в купе. Вынула дорожную пижаму, переоделась и легла на полку, отвернувшись к стене. Притворюсь, что уже сплю, – иначе от Хмельницких не отделаться.

Вскоре они вернулись из ресторана. Увидев, что я лежу, накрывшись одеялом почти до подбородка, они перешли на шепот.

– Баб, попроси Татьяну что-нибудь рассказать, – тихо сказал Петя.

– Для тебя она не Татьяна, а Татьяна Александровна, – поправила внука Хмельницкая.

– Ладно, пусть Татьяна Александровна. Давай, попроси ее, пусть расскажет чего-нибудь! Она же обещала.

– Петр, – вмешался Хмельницкий, – ты что, не видишь, что человек уже спит? Переодевайся и сам ложись. Давай, давай, поторапливайся.

– Я сейчас, – сказал мальчик и, судя по всему, направился к двери.

– Ты куда? – спросила Аделаида Леонидовна.

– Куда-куда... В туалет, куда же еще.

– Борислав, иди с ребенком, – распорядилась Хмельницкая.

– Да я сам пойду, че я, маленький, что ли? – обиженно протянул Петя.

– Иди с дедушкой! – Аделаида Леонидовна была непреклонна.

«Долго они еще будут пререкаться? Неужели так и не угомонятся?» – подумала я сквозь дрему и провалилась в сон.

* * *

Вернувшись в Тарасов, я получила от заказчика оплату за проведенное расследование и подумала, что теперь самое время как следует отдохнуть и заняться собой. После минувшей напряженной недели, бессонных ночей и опасного преследования выглядела я не лучшим

образом: кожа на лице как-то потускнела, а под глазами залегла синева. Что ж, устрой себе спа-процедуру прямо сейчас!

Для начала я сварила кофе и медленно выпила его, смакуя каждый глоток. Потом взяла оставшуюся кофейную гущу и нанесла ее на лицо. Лежа с закрытыми глазами и наслаждаясь покоем, я подождала, пока образуется сухая корочка, а потом смыла маску теплой водой. После отшелушивающей маски обязательно нужно увлажнить кожу, а для этого я использую розовый грейпфрут. Разрезав его на четыре части, я взяла две дольки, размяла их вилкой и смешала с яичным желтком. Еще 15 минут наслаждения – и пора все смывать прохладной водой. Затем я наложила французский крем, глянула в зеркало – и осталась вполне довольна результатом.

Хорошо бы прямо сейчас перенестись в какую-нибудь экзотическую страну, где всегда тепло, под ногами хрустит желтый песок или белая галька, а море или даже целый океан ласково играет бирюзовой волной, как поется в одной итальянской песенке... Воображая эту райскую картину, я, кажется, задремала и не сразу услышала телефонный звонок.

– Иванова, куда ты пропала? – деловито осведомилась моя подруга Ленка-франуженка. – Уже сколько раз звоню тебе, звоню, и все без толку – как сквозь землю провалилась! Давай рассказывай: где была, чем занималась?

– А то ты не знаешь, чем я могу заниматься! Естественно, очередным расследованием. Причем не в Тарасове.

– А где же?

– А вот угадай с одного раза! – подзадорила я подругу.

– Так ты хотя бы дай вводную, что ли, – попросила Ленка.

– Даю. Это город в низовьях Волги, который славится деликатесным рыбным продуктом и несравненными бахчевыми.

– Так, сейчас... Наверное, это черная икра и арбузы... Значит, ты была в Астрахани?

– Правильно! И я приглашаю тебя к себе на дегустацию этих вкусных и очень полезных продуктов.

– С удовольствием принимаю приглашение! – радостно сказала Ленка и отсоединилась.

А я пошла на кухню сервировать стол. Икру я разложила в половинки яичных белков и на тосты, а желтки отправила в салат. Потом нарезала арбуз и красиво разместила его на блюде. Ко всему этому черно-красному великолепию не хватало только сверкания хрусталя. Я принесла хрустальную вазочку и положила в нее еще немного икры.

Вскоре пришла моя подруга, и мы принялись за икру.

– Говорят, что Шаляпин сначала ел икру, а потом запивал ее водкой, – сказала Ленка. – А если сделать наоборот, получится, что водку икрой закусывают. Интересно, а что будет, если сначала запить икру водкой, а потом закусить водку икрой?

– Лен, у меня водки нет, – предупредила я.

– И не надо! Это я так, к слову. Да, Тань, ты знаешь, что в Тарасове на днях открылась выставка шляп?

– Нет, не знаю. Я же только вчера приехала.

– Значит, сейчас мы с тобой поедem на эту выставку!

– Лен, да сдались мне эти шляпы! Ты разве их носишь?

Ленка отрицательно мотнула головой.

– Вот то-то и оно! Я, кстати, тоже не ношу. Да и кто их вообще сейчас носит? Даже английская королева ходит в платочке, как простая деревенская бабушка, – я сама недавно фото в Интернете видела.

– Это она у себя по саду в платочке гуляет! – возразила Ленка. – А на официальных мероприятиях все как положено. И шляпка в том числе!

– Не знаю. – Я пожала плечами. – Мне вот вообще головные уборы ни к чему, даже зимой. По-моему, капюшона в холодную погоду вполне достаточно.

– Зря ты так думаешь! – сказала Ленка. – Я где-то прочитала, что в женщине без шляпки есть нечто незавершенное.

– Скажешь тоже – незавершенное, – хмыкнула я. – Хотя если тебе так хочется на эту выставку – почему бы и нет? Пойдем завершим свой облик.

Выставка шляп проходила в галерее «Каштан» на первом этаже. Посетителей было не очень много, а вот экспонатов – целое море. Шляпы всех фасонов и цветов располагались на манекенах и на специальных подставках. Симпатичная молодая женщина что-то рассказывала небольшой группе посетителей, окружившей ее. Мы с Ленкой подошли к ним.

– Меня зовут Ирина, и я занимаюсь изготовлением шляп уже почти три года, – рассказывала женщина. – Раньше я работала архитектором, а также увлекалась флористикой. До того как я начала заниматься дизайном шляп, в моем гардеробе не было ни одного головного убора. Я считала, что шляпы мне не идут, а шапку надевала только в самый сильный мороз. Но однажды я с подругой попала на рождественскую выставку, где увидела шляпу из велюра от петербургского дизайнера. И тогда я поняла, что шляпка нужна не для защиты от холода, снега или дождя; настоящая шляпка – это произведение искусства. Когда я ее примерила перед зеркалом, то увидела в отражении шикарную и элегантную леди. Просто не верилось, что это я! Подруга у меня фотограф, и мы решили сделать фотосессию в таком головном уборе. Но в нашем городе ничего подобного не оказалось, потому что таких шляп здесь просто нет. А спустя какое-то время я познакомилась в соцсети с девушкой из Москвы, которая сама изготавливала миниатюрные цилиндры и «таблетки» с вуалью. Выяснилось, что она дает мастер-классы, и я почувствовала, что сама хочу этим заниматься и вдохновлять девушек и женщин быть женственными! Тогда я поехала в Москву и там приобрела и знания, и материал, необходимый для изготовления шляп.

– А что это за материал? – спросила одна из женщин.

– Это, как правило, птичьи перья – петуха, индейки, фазана. Еще, конечно же, атлас, шелк, велюр, соломка, металлическая нить. Плюс природный материал: дерево, ракушки, трава.

– А дизайн шляп вы сами придумываете? – поинтересовалась Ленка.

– Конечно, сама. Мне интересно создавать модели шляпок для определенных случаев – например, для свадьбы, для клубных вечеринок, на дни рождения. Но среди моих моделей есть и повседневные варианты.

– Да, – вздохнула одна из посетительниц выставки, женщина лет шестидесяти, – нашим российским женщинам обычно не до шляпок! Куда в них – на работу, в магазин? Некогда нам празднично прохаживаться, любуясь собой... А вот моя бабушка носила и шляпки, и перчатки...

– Раньше женщины так проявляли себя, свой вкус и тягу к красоте. Привлекали к себе внимание с помощью одежды и головных уборов. А теперь вместо этого у девушек татуировки и пирсинг, – подхватила ее ровесница. – Когда вместо платья брюки, то и шляпка вроде бы ни к чему – разве что от солнца голову прикрыть...

– Вы знаете, – сказала Ирина, – любой женщине можно подобрать шляпку и тем самым подчеркнуть ее изысканность и очарование. Маэстро шляп Филип Трейси считает, что шляпа – это отражение индивидуальности, украшение, которое завершает образ и делает его еще прекраснее.

– Чтобы носить шляпу в наше время – нужно быть смелой женщиной, наверное. Свободной от стереотипов и готовой экспериментировать с образами, – заметила я.

– Ну, в общем, да, – согласилась Ирина. – Но если к нам попадает любая женщина, даже та, у которой нет таких качеств, то стоит ей примерить одну из шляпок, и она сразу понимает, как это легко и просто – преображаться и очаровывать! Причем в любом возрасте. Моей самой юной клиентке всего три года.

– А самой взрослой? – спросил кто-то.

Ирина улыбнулась:

– Это дама весьма почтенного возраста, но очень элегантная. Она большая поклонница шляпок и часто повторяет слова Коко Шанель: «Шляпки делают из женщины настоящую леди».

– Мы с мамой однажды гуляли по городу, – подала голос молодая девушка, – и у меня была большая летняя шляпа с широкими полями, лентами и цветами. И белые кружевные перчатки. Все, кто проходил мимо, оборачивались. Мы зашли на рынок за продуктами, и там мне подарили букет полевых цветов, несколько яблок и апельсин. По-моему, был даже ананас – сейчас точно не помню. Продавцы говорили, что впервые видят такую красивую девушку в шляпе.

– Вот именно! – воскликнула Ирина. – Не зря же Софи Лорен говорила, что женщину в шляпке забыть нельзя!

Мы с Ленкой отошли от Ирины и начали бродить по выставке. Здесь действительно были такие экземпляры, которые и шляпами-то в привычном смысле этого слова трудно назвать. Особенно меня поразили две шляпы. В оформлении одной из них дизайнер использовала стручки акации и стручковый горький перец. А другая была сделана из панциря морского ежа и ракушек. Еще мне понравилась очень нежная шляпка в виде маленького зонтика. Я попросила у хозяйки выставки разрешения примерить ее.

– Конечно, попробуйте! – сказала Ирина, подавая мне выбранную шляпку.

Я подошла к зеркалу и взглянула на себя. Действительно, как же все-таки шляпка меняет женщину! Сразу появляется некая загадка, особое изящество в наклоне головы – а если добавить еще и томный взгляд из-под опущенных ресниц и таинственную полуулыбку...

– Таня, в этой шляпке ты просто прелесть! – восхищенно воскликнула Ленка.

Может быть, заказать себе такую? У меня и сарафанчик подходящий имеется! Оденусь как истинная леди и буду дефилировать по проспекту Кирова, который называют тарасовским Арбатом...

– Тань, тут, оказывается, и мужские шляпы есть! Иди скорее сюда, – позвала меня Ленка. – Вот, смотри, какой мачо!

Я подошла и окинула взглядом манекен.

– Да уж! Галстук на голый торс и строгая шляпа с полями – это классика жанра! Кстати, мужчинам, по-моему, шляпы идут еще больше – они придают им брутальность и харизматичность!

Сняв шляпу с манекена, я повертела ее в руках. Пальцы ощутили приятную гладкость натуральной кожи. В обод была вставлена упругая струна – значит, можно придать шляпе желаемую форму. И вообще...

– Слушай, Лен, – сказала я задумчиво, – а ведь в этой шляпе можно скакать на лошади под проливным дождем или гнать на мотоцикле...

– Или играть на гитаре, – подхватила Ленка.

– Закажу себе такую шляпу! – решила я.

– Тань, но зачем? Ты же не ковбой и не байкер.

– Зато стильно и удобно. Все, решено! Идем к Ирине.

Честно говоря, я и сама не знала, что это на меня нашло. Но вот почему-то захотелось иметь мужскую шляпу – и все тут! Ленка начала подтрунивать надо мной и строить всякие предположения, кому же на самом деле предназначается эта шляпа. У нее даже зародилось подозрение, что я обзавелась новым бойфрендом, которого тщательно скрываю от подруг.

– Давай, Иванова, колись, кто у тебя на этот раз. Я его знаю?

– Я его и сама еще не знаю.

– Да ладно! Гонишь ты все!

– Истомина, что за выражения? Твои ученики на тебя плохо влияют.

– Ой, Тань, приходится иногда говорить с ними на их языке – иначе вообще никак. Они за лето просто совсем от рук отбились и обнаглели. Представляешь, вчера Свистушкин уселся за первую парту, прямо перед моим столом, и начал кривляться. Напустил на себя томный вид: «Ах, Елена Михайловна, солнце светит прямо в глаза. Можно я пересяду»? Я говорю: «Хорошо, пересядь». Он отсел на несколько рядов назад и снова: «Ах, теперь мне вас плохо видно». Я ему: «А я вам не картина в музее, чтобы меня рассматривать! Меня надо слушать».

– «Я не картина в музее» – хорошо сказано, конечно. Но от подобных реплик, мне кажется, он только еще больше начнет выпендриваться. Возраст у них сейчас такой – от избытка гормонов они на стенку лезут. Да, Лен, сочувствую тебе. Работа у тебя напряженная, нервная. И не могу сказать, что достойно оплачиваемая.

Ленка только вздохнула. Мы с ней уже много раз обсуждали эту тему, и я давно поняла, что моя подруга ни на что не променяет свою работу и своих учеников, как бы они себя ни вели.

Мы вышли на улицу. Солнце светило ярко, но не жаростно, как летом, а тепло и ласково. Ветер неторопливо гнал по тротуару первые шелестящие желтые листья. Настоящее бабье лето. Вот если бы всегда стояла такая погода, насколько приятнее было бы жить на свете!

Я проводила Ленку до автобусной остановки, и она уехала в свой Трубный район. А я отправилась к себе домой.

* * *

Прошла уже целая неделя, а я продолжала бездельничать. Несколько раз мы с моей парикмахершей Светкой позагорали на пляже – благо погода пока еще позволяла. Один раз я побывала у нее в салоне, где она поколдовала над моими волосами и сотворила очередной шедевр. Потом я устроила шопинг и прикупила себе несколько стильных и дорогих вещей.

Но постепенно безделье стало мне надоедать. Я уже почувствовала первые признаки раздражения, которые появлялись, когда я оставалась без работы. Клиент все не шел. Впрочем, по опыту я знала, что он рано или поздно появится.

И, похоже, Вселенная меня услышала, потому что в одно прекрасное утро раздался телефонный звонок

– Алло, Татьяна? – громко и взволнованно произнес женский голос, который показался мне знакомым.

– Да, слушаю вас!

– Татьяна, умоляю, помогите! Если вы мне не поможете, то не поможет никто! – почти выкрикнула женщина.

– Успокойтесь, пожалуйста, – попросила я, невольно отодвинув телефон подальше от уха, потому что последняя фраза меня просто оглушила.

– Ах, как я могу успокоиться, когда случилось такое! – снова выкрикнула моя собеседница. – А вы что же, не узнали меня?

– А разве мы с вами знакомы? – удивилась я.

Память подсказывала, что с обладательницей этого знакомого голоса я пересекалась не так давно, однако где именно и при каких обстоятельствах – вспомнить никак не удавалось.

– Татьяна, – с некоторой обидой в голосе произнесла женщина, – мы же с вами возвращались из Астрахани в одном купе.

Теперь я вспомнила: конечно же, это Аделаида Леонидовна Хмельницкая, которая ехала вместе с супругом Бориславом Константиновичем и внуком Петей! В самом деле, как я могла позабыть такое колоритное семейство!

– Аделаида Леонидовна!

– Да, это я! – обрадовалась Хмельницкая.

– Что у вас случилось?

– Ах, Таня, случилось ужасное несчастье!

Я слышала в трубке сдвоенное рыдание.

– Аделаида Леонидовна, вы можете ко мне сейчас подъехать?

– Ах! Конечно же могу!

– Тогда приезжайте. По телефону такие дела не решаются.

– Так скажите же, куда приехать, – всполошилась Аделаида Леонидовна. – Я ведь не знаю, где вы живете! В вашей визитке указан только телефон.

Я продиктовала адрес.

Вскоре Хмельницкая была у меня. На этот раз она надела черное платье, а роскошные рыжие локоны убрала в скромный пучок и затянула черной сеточкой.

– Таня, вы себе не представляете! Это просто трагедия! – начала Хмельницкая с места в карьер, только-только переступив порог.

– Проходите, пожалуйста, в гостиную, – пригласила ее я, – там и поговорим.

– Вот я и говорю, – начала Аделаида Леонидовна, садясь в кресло, – милиция называется!

– Полиция, – поправила я ее.

– Поменяли название, а толку как не было, так и нет, – в сердцах произнесла она. – Все только отговорки. А один из них, из полицейских этих, сказал, что это дело... Как же он сказал? Птица еще так называется.

– Глухарь, может быть? – подсказала я.

– Да, так он и сказал.

– Так говорят, когда преступление практически невозможно раскрыть, – пояснила я.

– Но, Таня, что же это получается? Просто так, ни за что ни про что убили человека, и это преступление так и останется нераскрытым? А преступник так и будет гулять на свободе? И это правильно? Справедливо?

– Так, Аделаида Леонидовна, давайте все по порядку. Расскажите, кто убит, когда и где, – попросила я.

– Разве я вам еще не сказала? Убили моего племянника, Максика. Я вам о нем еще в поезде рассказывала, помните?

Так этот Максик, оказывается, ее племянник! А я-то, пропустив тогда половину повествования, считала, что так зовут ее кота...

– Да, конечно, помню, – покривила я душой. – Но все равно расскажите снова – могут всплыть новые важные факты.

– Максик – его полное имя Максимилиан – это единственный сын моей единственной родной сестры Елизаветы, царство ей небесное. Вот уж кому не повезло в жизни так не повезло! По полной, можно сказать, программе. Представляете, вышла замуж за какого-то деревенского хмыря, а тот хмырь еще и мамашу с собой в город притащил. А моя сестра – красавица и умница, каких поискать. Ладно бы еще муж был бы как муж, так нет – жуткий алкоголик, просто чума. Не работал, по хозяйству не помогал, да еще и руку на нее поднимал. Уж Лиза чего только не делала! И по экстрасенсам его таскала, и к бабкам заговаривать ездила, и к докторам зашиваться водила. Ничего не помогало, просто не просыхал. А свекровь только масла в огонь подливала, за сыночка горой вставала. Да еще имела наглость как-то заявить, чтобы Лиза убиралась куда глаза глядят. Вы представляете себе! Выползла вместе со своим вырожденком из деревенской дыры и порядочную женщину из ее же собственного дома на улицу гонит! Лиза с ним развелась – сколько же можно терпеть? – и осталась одна с Максимом. А те снова убралась в свою деревенскую конуру. Но сколько здоровья и нервов потратила моя сестренка! А ведь говорила ей в свое время наша мама: «Лизонька, доченька, умоляю, не выходи за него, погубишь ты себя». И ведь как в воду глядела.

Хмельницкая на секунду умолкла – наверное, чтобы дух перевести. Обычно я слушаю своих клиентов, не перебивая: мало ли что может всплыть во время их рассказов, пусть даже порой и сумбурных! Но Аделаида Леонидовна что-то уж очень отклонилась от темы. Я практически еще ничего и не узнала о Максимилиане, который, насколько я поняла, и является главным героем криминальной истории. Если Хмельницкая и дальше будет столь же подробно рассказывать о своих родственниках, мы не доберемся до сути дела и через год. Придется мне вмешаться и как-то все упорядочить.

– Аделаида Леонидовна, а что же все-таки произошло с вашим племянником?

– Как что? Его же убили! Застрелили почти в упор! И никто ничего не хочет делать! – воскликнула она возмущенно.

– Так. Когда это произошло? – спросила я.

– Да уже неделя прошла! А расследования все нет и нет! Таня, ведь эта милиция-полиция... – она махнула рукой. – Пожалуйста, возьмитесь за расследование, найдите убийц – я вам заплачу сколько скажете!

– Я беру двести долларов за сутки расследования плюс расходы по ходу дела.

– Я согласна! – сказала Хмельницкая.

Обычно перед тем, как взяться за расследование, я советуюсь с магическими костями. Но сейчас я готова была поступиться своими правилами. В конце концов, не отказываться же от столь долгожданного клиента! Кто знает, сколько еще придется ждать нового заказа. Тем более что я все равно уже бесповоротно решила, что буду расследовать убийство племянника Хмельницкой.

– Хорошо, Аделаида Леонидовна, я возьмусь за ваше дело. Только мне нужно задать вам еще несколько вопросов.

– Пожалуйста!

– Скажите фамилию, имя и отчество вашего племянника.

– Крашенинников Максимилиан Александрович. Ему было всего тридцать пять лет. Еще только жить да жить... – она всхлипнула и поднесла к глазам кружевной платочек.

– У него была семья – жена, дети?

– Детей не было, а с женой он развелся несколько лет назад. Видно, в Лизу он пошел – ну, в смысле неудачного брака и семейной жизни. Уж такая стерва ему попалась, такая стерва! Как только они разошлись, она сразу же нашла себе какого-то хлыща и уехала с ним в Штаты, представляете?

– Представляю, – сказала я, а сама подумала, что быстрое вступление во второй брак само по себе еще не является веским доводом в пользу стервозности. – А где работал ваш племянник?

– Последнее время он был без работы. Я же говорю: не везло ему, просто фатально не везло ни в семейной жизни, ни в работе! Вот ведь бывает: как не заладится в чем-то одном, так потом это распространится буквально на все! Вот и у Максика...

– А почему Максимилиан остался без работы? Что произошло?

– Понимаете, Максик работал в мастерской по ремонту компьютеров. Он окончил университет, математический факультет, умница был мальчик, выигрывал на всех олимпиадах, ему предлагали аспирантуру и...

– А что же все-таки случилось с работой? Почему он ее потерял? – Я решила повернуть беседу в нужное мне русло, а то ведь Хмельницкая снова начнет растекаться мыслью по древу.

– Макс работал, как я уже сказала, в мастерской, ремонтировал компьютеры. Но его компаньон – между прочим, его же бывший однокурсник! – поступил с ним крайне подло, просто кинул его. Он забрал все деньги и исчез в неизвестном направлении. Теперь он находится в федеральном розыске, а может даже и в международном. А Максик лишился почти всего, что у него было, чтобы расплатиться с долгами. Он продал прекрасную трехкомнатную квартиру

и купил маленькую однушку, продал иномарку, – и все равно денег не хватило. Поэтому ему пришлось брать кредит в банке, а проценты погасить он не смог, вынужден был занимать у одного своего знакомого. Да, вот так. А незадолго до своей гибели он пришел к нам и сообщил, что нашелся один человек, который предложил ему выполнить хорошо оплачиваемую работу.

– Он сказал, как зовут этого человека? Кто он, чем занимается? – спросила я.

– Нет, он не назвал его. И вообще, насколько я поняла, они познакомились совсем недавно.

– По поводу работы, которую ему предложили, Максимилиан тоже ничего не говорил?

– Ничего. Мне даже странным это показалось. Я его и так спрашиваю, и эдак: расскажи, говорю, мне же интересно, чем ты будешь заниматься и за что будут платить такие большие деньги. Нет, молчит – и все! И вы знаете, Татьяна, мне даже показалось, что он и не рад этой новой своей работе. Да-да! А ведь должно же быть наоборот: высокооплачиваемая работа обычно приносит радость, воодушевление. А Максик был как в воду опущенный. Он только сказал, что рассчитывает снова открыть ремонтную мастерскую. А примерно за три дня до того, как его убили, он позвонил мне и продиктовал телефонный номер, по которому можно позвонить, если возникнет острая необходимость.

– А что это за острая необходимость? Он вам объяснил?

– Нет, он ничего больше не сказал, но во время разговора вел себя не так, как обычно.

– То есть? – я вопросительно посмотрела на Хмельницкую.

– Ну, он явно был чем-то встревожен. Я поняла это по тону его голоса.

– Хорошо, дайте мне этот номер.

Хмельницкая достала из сумки записную книжку, перелистала ее и, найдя нужную страницу, продиктовала телефон.

– Аделаида Леонидовна, в каком месте убили вашего племянника? В городе, за городом – где?

– Его застрелили вечером в одном из тарасовских переулков – кажется, в Казарменном, – почти в упор. И еще я узнала, – тут Хмельницкая понизила голос, – что Максик успел один раз выстрелить в нападавших.

– А сколько их было?

– Четверо. Представляете, четверо на одного! Один из убийц забрал пистолет и вместе с сообщниками скрылся на машине. И еще: на голове у Максика была белая шляпа, похожая на ковбойскую.

– Аделаида Леонидовна, а откуда вам известны такие подробности?

– Понимаете, Таня... Кое-что милиция все же сделала: опрос свидетелей, экспертиза, еще что-то... А поскольку я очень напирала на следователя... как же его фамилия, дай бог памяти... кажется, Кирсанов... или нет, Кирьянов вроде бы... Так вот, он в обход всех правил, как он мне заявил, ознакомил меня с материалами дела – с тем, что они успели расследовать. Только расследования там с гулькиным нос... Татьяна, я очень надеюсь на вас!

– Хорошо. Скажите, а что, у вашего племянника было оружие? – спросила я.

– Да нет. Как будто бы нет. Во всяком случае, он об этом ничего не говорил.

– Ладно. А по поводу белой шляпы что скажете? Он любил носить шляпы?

– Да нет же! Он их вообще терпеть не мог и никогда не носил! Вот Борислав Константинович очень любит шляпы, да. У него их целая коллекция. Вот равнодушен он к этому головному убору! И, надо сказать, они очень ему идут. А еще Борислав...

– Аделаида Леонидовна, – перебила я ее, – давайте вернемся к вашему племяннику.

– Да-да, конечно. Но я и сама ничего не понимаю. Ну откуда оружие и шляпа?

– Разберемся. Аделаида Леонидовна, если мне понадобятся дополнительные сведения о вашем племяннике, я вам позвоню. И буду ставить вас в известность о ходе расследования.

– Танечка! Я готова ответить на все ваши вопросы, звоните мне в любое время суток.

– Договорились.

После ухода Хмельницкой я решила все-таки посоветоваться со своими додекаэдрами. В спальне я достала из тумбочки потертый замшевый мешочек и вытряхнула из него три двенадцатигранника. Уже много раз я убеждалась в том, что их предсказания всегда сбываются. Самое главное во всем этом процессе – правильно интерпретировать комбинацию цифр. И конечно же, предварительно сосредоточиться на интересующем вопросе и мысленно его задать. Так я и сделала. Немного подержав кости в руках, я метнула их на тумбочку. Выпала комбинация $28 + 9 + 20$. Это означало успех задуманного. Вот и замечательно.

Теперь можно наведаться к моему другу следователю Владимиру Кириянову, чтобы ознакомиться с делом, за которое я взялась.

Глава 2

К моему удивлению, Кирьянова на месте не оказалось: в его кабинете сидел незнакомый мне майор. Он разговаривал с дамой лет тридцати пяти:

– Женщина, я вам уже десятый раз объясняю, что для ориентировки нужно фото. Как мы будем искать вашего мужа, если не знаем, как он выглядит?

– Я же вам уже сказала, – нетерпеливо отвечала посетительница, – средний рост, русые волосы, серые глаза...

– У меня тоже средний рост, русые волосы и серые глаза. Я похож на вашего мужа?

– Так мне что, бежать домой за фотографией?

– Если у вас в телефоне есть свежие фотографии – можете прямо сейчас мне скинуть.

– Нет, у меня здесь только моя собака, – расстроено сказала дамочка, листая фотографии на своем смартфоне.

– Мы собаку будем искать? – устало спросил майор, откидываясь в кресле и возводя глаза к потолку.

– Господи, и так уже целых полдня прошло! Если мне сейчас еще и за фотографией... Скажите, а вы точно начнете его искать, как только я принесу фотографию? А то все говорят, что три дня надо ждать.

Майор скрипнул зубами, как от боли, и перегнулся через стол, наклонясь к посетительнице:

– Вероника Георгиевна, объясните всем своим знакомым, которые так говорят, что полиция всегда начинает поиски сразу же, как только поступает заявление! Будете ждать три дня – больше шансов, что в итоге найдется только труп! Вы меня поняли? Так что быстренько домой за фотографией!

Дамочка затряслась от ужаса:

– Господи, что вы такое говорите?

– Всякое бывает, – буркнул майор. – Но в вашем случае, надеюсь, ваш муж, живой и здоровый, вернется уже сегодня. А может быть, он уже дома и вас дожидается.

– Нет-нет-нет! – зачастила женщина. – Он не дома, он бы мне обязательно позвонил, у нас так заведено! Вадик мне обязательно отзванивается через каждые... ладно, это не важно. Важно, что мы с ним всегда на связи. А сейчас он ни разу не позвонил. А когда я стала звонить ему, оказалось, что он недоступен, – закончила она трагическим шепотом.

– Знаете что? – хмыкнул майор. – Если бы я был должен отзваниваться каждые два часа или чаще – мой телефон тоже очень скоро оказался бы недоступен.

– Нет, – твердила свое Вероника Георгиевна, – Вадик не мог так со мной поступить, вы не понимаете...

– Хорошо. Но после того как принесете фотографию, первым делом составьте список знакомых, друзей, родственников и всех обзвоните. Авось у кого-нибудь из них и отыщется ваш супруг.

– Вы так думаете? – с надеждой спросила дамочка.

– Уверен! Всего хорошего! – майор поднялся с места, давая понять, что разговор окончен, и обратился ко мне: – Что у вас? Тоже муж пропал?

– У меня его и не было, – улыбнулась я. – Мне нужен Владимир Сергеевич.

– Нет его. Он на совещании, – лаконично сообщил майор и крикнул в коридор: – Следующий!

Следующей оказалась пенсионерка лет семидесяти. Она была одета в сиреневый трикотажный костюм, на лацкане пиджака красовалась изящная брошь. В руке старушка держала старомодный ридикюль, а на голове у нее примостилась маленькая шляпка с поднятой вуалью.

– Я пришла выяснить, почему преступник до сих пор разгуливает на свободе? – спросила она.

– Преступник? – переспросил майор. – Какой преступник?

– Он убил Василия среди бела дня на глазах у соседей! – возмущенно воскликнула женщина. – И его до сих пор даже не арестовали!

– Так, расскажите все по порядку, – майор приготовился записывать. – Фамилия, имя, отчество убитого?

– Я же сказала: его звали Василий, – раздраженно ответила старушка.

– Фамилия? Отчество?

– Чье? Моего кота?

– Какого кота? Что вы мне голову морочите?! – вспыхнул майор.

– То есть вы не собираетесь привлекать убийцу моего кота к уголовной ответственности? – обиделась посетительница. – Тогда мне придется обратиться к вашему руководству! Я этого так не оставлю!

Она встала и, гордо подняв голову, вышла из кабинета. В это время в конце коридора появился наконец Владимир Сергеевич Кирьянов собственной персоной.

– О, Танюха! – обрадовался он. – Ты ко мне?

– К тебе, Володенька, к тебе. К кому же еще?

– Не знаю, может, вот к Василию Емельяновичу, – проговорил он, когда мы уже оказались в его кабинете.

– Сергеич, ну у тебя и контингент, елки-палки, – выдохнул майор. – Чуть не уморили меня. Одна мужа ищет, который отсутствует – не поверишь – целых полдня. А другая требует срочно найти и арестовать преступника, который убил ее кота. Так что все бросай и быстренько ищи обоих, понял? А я пошел к себе.

Мы остались в кабинете вдвоем.

– Хороший мужик, – кивнул Кирьянов вслед коллеге, едва за ним закрылась дверь. – Вот, выручил, пока меня начальство на ковер вызывало.

– Сильно досталось? – сочувственно спросила я.

– Не то слово, – Володька махнул рукой. – А главное, дело это – стопроцентный глухарь. Стволы нигде не засвечены, следов убийцы не оставили. Даже отпечатки покрышек смазанные, не годятся для идентификации. И ведь что интересно: сам-то это все прекрасно понимает. А вот поди ж ты.

– Подожди, Володь, о каком деле ты говоришь? Случайно не об убийстве Максимилиана Крашенинникова? – спросила я.

– Именно! А ты что? Откуда ты знаешь? Поди его тетушка тебя наняла, да?

Я молча кивнула.

– Ох, не завидую я тебе, Тань, – покачал головой Кирьянов. – Эта тетка звонит во все колокола, уже всех на уши поставила. Из-за нее мне и пришлось сейчас с начальством объясняться.

– Знаешь что, – сказала я, – давай-ка мне его дело. Посмотрю, почитаю. Вместе что-нибудь придумаем.

Я взяла папку с делом Крашенинникова. Взглянула на фотографию. Интересный молодой мужчина. Был. На снимке с места преступления он лежал лицом вверх, широко раскинув руки в стороны. В глазах застыло выражение удивления и боли. Рядом валялась белая шляпа, напоминающая ковбойскую.

Я перевернула страницу и прочла: «Крашенинников Максимилиан Александрович. Родился в 1980 году в Тарасове. Окончил Тарасовский государственный университет, механико-математический факультет. Работал программистом в компании «Эксперт», далее – в мастерской по ремонту цифровой техники «К и Ко»... 5 сентября в 20.30 был обнару-

жен в проходном дворе в Казарменном переулке... Врач «Скорой помощи» диагностировал смерть в результате пулевых ранений с близкого расстояния в голову и в грудь... В карманах пиджака обнаружены: паспорт на имя Крашенинникова Максимилиана Александровича, расческа, носовой платок, портмоне, одна тысяча рублей, ключи...»

Далее шли показания свидетелей. Вырисовывалась следующая картина. Крашенинников вышел из подъезда одного из домов. В это время во дворе показались трое мужчин в спортивных костюмах. Трое? А Хмельницкая утверждала, что преступников было четверо. Наверное, как всегда, преувеличивала. Ладно. Один из них выстрелил в Крашенинникова. Тот хотел снова войти в подъезд, но тут выстрелил еще один неизвестный. Крашенинников схватился за грудь, достал пистолет и начал довольно неумело отстреливаться. Потом он побежал в сторону. Третий убийца попал ему в голову, и Крашенинников упал. Третий подобрал его пистолет, и вся троица скрылась в соседнем дворе. По всей видимости, убийцы умчались на машине, которую там оставили.

– И что ты думаешь по поводу всего этого? – спросила я Кирьянова.

– Я ж тебе уже сказал: висяк, причем абсолютный.

– Что ж, придется расследовать висяк, – решительно сказала я. – Не могу же я поступить своей профессиональной репутацией.

– О да! – иронически воскликнул Кирьянов. – Когда за дело берется сыщик всех времен и народов Татьяна Иванова, преступники сами бегут к ней давать признательные показания.

– Слушай, Кирьянов, я пришла тебе помочь. Что, помощь не нужна?

– Да ладно, Тань, не обижайся, – примирительно сказал Кирьянов. – Просто слишком уж много несуразиц.

– Несуразицы – это как раз хорошо, – заметила я. – Это как узелок – есть что распутывать. Хуже, когда ниточка прямо тянется, а зацепиться не за что... А какие несуразицы ты имеешь в виду?

– Например, белая шляпа, – ответил Кирьянов.

– Да, с учетом того, что белая мужская шляпа – большая редкость, а Крашенинников их вообще не носил, – пожалуй, да, настораживает, – задумчиво сказала я.

– Второй момент: после убийства Крашенинникова его пистолет забрали. В твоей практике хоть раз такое было? Как будто это трофей какой-нибудь... Да и киллеров что-то многовато, ты как считаешь? Аж целых четверо.

– По поводу киллеров согласна, явный перебор. Можно подумать, что каждый из них страховал другого. Не доверяли друг другу, что ли? А пистолет, который забрали у Крашенинникова... Может быть, это какой-нибудь раритет?

– Думаешь, они его из-за пистолета убили? – покачал головой Кирьянов.

– Да, кстати, а что говорят баллистики? – спросила я. – Из какого оружия застрелили Крашенинникова?

– Предположительно из иностранного.

– «Беретта», «глок»?..

– Что-то типа того. Но у экспертов сложилось мнение, что это оружие изготавливали чуть ли не на заказ. Штучные экземпляры.

– Вот это поворот! Значит... – начала я.

– Да, вот именно, оружие нигде не зарегистрировано, – закончил мою мысль Кирьянов. – Так что ищи ветра в поле!

– И найду, – твердо сказала я, – будь уверен. А вот интересно, какое оружие было у Крашенинникова? Тоже импортное?

– Кто ж тебе скажет? Его забрали убийцы. Вот поймаешь их – сама и спросишь!

– Да ладно тебе, Кирьянов! Просто я подумала, что если у Крашенинникова был пистолет того же производства, что и у его убийц, то это уже о многом говорит. Например... о западной разведке. А? Как тебе такой вариант?

– Почему именно о западной? – возразил Кирьянов. – С таким же успехом разведка могла быть и восточной...

– Ну, в общем, речь об иностранной разведке, – подытожила я.

– Может быть, может быть... – задумчиво сказал Кирьянов. – Кстати! Буквально месяц назад или чуть больше произошло аналогичное убийство.

– Что же ты до сих пор молчал?

– Не знаю, только сейчас об этом вспомнил, когда тебе стал рассказывать... Совпадает все: несколько убийц – трое или четверо, – снова оружие не наше, опять белая шляпа. И никаких следов. Только убитый был не из Тарасова, а из Волгограда.

– Нашли убийц? – с надеждой спросила я.

– Нет, Тань, не нашли. Глухо, как в танке.

– Так что же, дело сдано в архив?

Кирьянов молча развел руками.

– Слушай, Володь, а ведь два аналогичных убийства подпадают под определение закономерности. Тебе так не кажется?

– Тань, если события почти один в один повторяются два раза, то это еще не закономерность, а совпадение. Закономерность – это когда более трех раз.

– Так никто ведь такой статистики не вел! Кто знает – может, подобное было и три, и даже четыре раза... В общем, пока ясно одно: на обычную разборку убийство Крашенинникова не тянет. Так?

– Да, пожалуй, – согласился Кирьянов. – Для обычной разборки слишком много всего... экстравагантного, что ли... Несколько киллеров, белая шляпа, оружие чуть ли не именное. Нет, здесь явно что-то другое.

– Ты мне распечатай дело этого убитого волгоградца, – попросила я. – Может быть, потянется какая-нибудь ниточка.

– Хорошо, сейчас найду, – ответил Кирьянов.

Он открыл базу данных, пощелкал мышкой, и вскоре у меня в руках была тоненькая стопка бумаг. Да, негусто. Но все-таки лучше, чем ничего.

– Так ты говоришь, что со следами автомобильных покрышек тоже ничего не ясно? – спросила я.

– Они настолько смазаны, что совершенно не годятся для сравнения.

– Ладно. А как насчет марки машины? Кто-нибудь видел, на какой именно машине скрылись убийцы?

– Нет, Тань, свидетелей нет. Они же припарковались в соседнем дворе.

– Ах да! Надо полагать, в соседнем дворе никто не живет, – не без сарказма заметила я.

– Наш сотрудник поспрашивал-поспрашивал, но народ все больше отнекивался: темно было, зрение слабое, в марках не разбираюсь, то да се. К тому же номера наверняка перебитые.

– И что же, что перебитые? Хотя бы представление иметь о том, на какой машине уехали преступники... Ладно, Володь, распечатай мне еще фотографию Крашенинникова – ту, что в паспорте. Вдруг пригодится.

– Ага, сейчас, – согласился Кирьянов. – Только она маленькая слишком – надо бы увеличить. Подожди, я на минутку.

Вскоре он вернулся и протянул мне увеличенную фотографию:

– Готово, держи!

Мы распрощались, и я вышла из отделения.

Теперь мне предстояло еще раз опросить свидетелей, чьи адреса были указаны в деле. И я решила начать с того человека, который, как следовало из материалов дела, видел убийство практически воочию.

Дверь мне открыл высокий мужчина плотного телосложения с довольно длинными зачесанными назад волосами. На вид ему можно было дать лет сорок – сорок пять.

– Серебрянников Ростислав Антонович? – спросила я.

– Да, он самый.

– Здравствуйте! Я частный детектив Татьяна Иванова, – представилась я, показывая лицензию. – Расследую убийство мужчины, которое произошло в вашем дворе неделю назад.

– Так я уже все рассказал в полиции, – в недоумении развел руками мужчина.

– Будьте добры, расскажите, пожалуйста, еще раз, – попросила я. – Вдруг вы вспомните какие-нибудь нюансы, которые помогут ходу следствия?

– Ладно, проходите, – пригласил он.

Мы прошли в гостиную.

– Садитесь, – он кивнул на кресло, стоявшее рядом с журнальным столиком, и начал рассказывать: – Я тогда во дворе стоял, супругу ждал. Мы должны были поехать на день рождения к друзьям, но она, как всегда, собиралась целую вечность. Я уже психанул и хотел было подняться домой, чтобы поторопить ее: сколько можно, в конце концов, ждать? И в этот момент во дворе появился мужик в белой шляпе. Шел он как-то с опаской, все время оборачивался назад, как будто хотел скрыться от кого-то. Когда он зашел в наш подъезд, я заинтересовался этим типом, потому что раньше его у нас не видел, и решил понаблюдать. Даже на жену злиться перестал. А дальше все было как в боевике.

– То есть?

– Во двор вбежали три парня в темной одежде, похожей на спортивную – типа «Адидаса», а в руках у них оружие было. И когда этот, в шляпе, вышел из подъезда, один из тех парней выстрелил в него. Мужик в шляпе заметался, хотел снова в подъезде укрыться, но, наверное, не решился. Тут второй парень выстрелил. Тогда тот, в шляпе, достал свой пистолет и начал отстреливаться, только стрелял все мимо. Потом побежал – наверное, пули закончились. И вот те, в спортивных костюмах, окружили его, и кто-то из них выстрелил пару раз. «Шляпа» упал, пистолет выронил, один из убийц поднял его, и рванули они все в соседний двор. Я потом услышал шум машины – значит, уехали они. Ну я переждал во дворе еще какое-то время... – Серебрянников покрутил головой, – а то, знаете, ощущения были, прямо скажем, не из приятных... Я еще подумал тогда: хорошо, что моя супруга такая копуша! Спустилась она во двор немного пораньше – попала бы в самую мясорубку.

– Ростислав Антонович, вот вы сказали, что раньше этого мужчину никогда в своем дворе не видели. Значит ли это, что он зашел в ваш подъезд совершенно случайно? Или, может быть, у него кто-то здесь знакомый есть?

– Ну, наверняка сказать не могу. Но судя по тому, что он довольно быстро вернулся во двор... Мог, наверное, искать кого-то из своих знакомых – кто его знает. Может быть, не нашел, а возможно, не застал дома. Но если и заходил к кому-то конкретному, то выше второго этажа, наверное, не поднимался. Потому что в подъезде он пробыл совсем недолго.

– А те, в спортивных костюмах, – они что, следили за ним?

– Скорее всего, следили. Очень уж уверенно они во двор вбежали – как будто наперед знали, что именно здесь он и находится!

– Ростислав Антонович, скажите, а кто проживает на первом этаже?

– Ну, во-первых, Рахматуллины, муж с женой. Но сейчас их здесь нет, они у дочери гостят в Англии. Потом Растунцева Евдокия Гавриловна. Но она сдает квартиру, а сама живет у сына, тот тоже с семьей где-то за границей находится. Дальше... Еще в одной квартире сейчас ремонт идет: прежние хозяева выехали, а новые еще не вселились. А вот еще один жилец...

– С ним что-то не так? – спросила я, уловив какие-то странные нотки в голосе собеседника.

– Да в общем-то ничего особенного, – пожал плечами Серебрянников. – Просто он этот... ну, нетрадиционной ориентации, короче.

– Понятно. Как его зовут?

– Данила, кажется.

– Ладно, спасибо вам за информацию! До свидания!

Я вышла на лестничную клетку. У меня в списке свидетелей было еще два имени: Феоктистов Валерий Олегович и Мезенцев Павел Алексеевич. Пойду-ка я сначала к ним, а уж потом заявлюсь к нетрадиционному Даниле.

Я позвонила в квартиру Феоктистова.

– Валера, не открывай! – истошно завопил женский голос.

– Это еще почему? – спокойно спросил мужчина.

– Ты что, хочешь, чтобы и тебя пришили, как того парня? Не открывай, я сказала!

– Клania, иди в комнату, – с раздражением проговорил мужчина и спросил через дверь: – Кто?

– Я частный детектив Татьяна Иванова, расследую убийство, произошедшее в вашем дворе. Откройте, пожалуйста, мне надо задать вам несколько вопросов.

– Не открывай! – опять крикнула женщина, но мужчина вновь проигнорировал ее слова.

– Сейчас, подождите, – отозвался он и начал возиться с замками.

– Пусть хотя бы покажет свое удостоверение! – не унималась женщина.

– У вас удостоверение есть? – спросил мужчина и приоткрыл дверь, не снимая дверной цепочки.

– Вот, пожалуйста, – я протянула свою лицензию.

Он полностью отворил дверь:

– Проходите.

В прихожей было довольно тесно. Мужчина оказался невысокого роста и в очках. Его супруга, низенькая полная женщина с пучком седых волос, закрепленных на затылке пластмассовой заколкой-крабом, пронзила меня подозрительным взглядом, но ничего не сказала.

– Валерий Олегович Феоктистов? – спросила я, чтобы убедиться, что передо мной свидетель убийства Крашенинникова.

– Да, это я. Пойдемте в комнату, что ж здесь стоять.

Мы с ним прошли в гостиную, а супруга так и осталась в прихожей. Потом и она прошествовала через комнату, обронив на ходу:

– Ходят, опрашивают, а толку никакого, людей во дворах убивают как мух!

– Вот для того и ходят опрашивать, чтобы поймать преступников, – ответил Феоктистов. Женщина махнула рукой и, ничего не ответив, скрылась в соседней комнате.

– Так о чем вы хотели меня спросить? – начал Феоктистов, когда я расположилась на диване, а он сел рядом в кресло.

– Валерий Олегович, расскажите, что вы видели во дворе, когда произошло убийство.

– Мы в тот вечер гуляли во дворе с Артуром, это моя овчарка. Честно говоря, когда я с собакой, то чувствую себя гораздо спокойнее. Так вот, поначалу все было как всегда. А вот потом во двор ворвались какие-то бандюги, все в черном.

– Все в черном – это как понять? – решила я уточнить.

– Ну костюмы на них были черного цвета, похожие на спортивные.

– Так, продолжайте, пожалуйста. Как они себя вели?

– Очень странно. Вбежали во двор, заметались, как зайцы, во все углы забегали. Мы-то с Артуром в это время были возле соседнего двора, поэтому к нам они не приближались.

– А сколько их было?

– Четверо. Или трое? Точно не могу сказать – уж очень они мельтешили. Но то, что больше двух, – это точно.

– И что же было дальше?

– А дальше из нашего подъезда вышел мужчина в белой шляпе, и один из бандитов по нему пальнул. Этот, в шляпе, хотел назад в подъезд, но тут второй в него выстрелил – и, наверное, напавал. Хотя я слышал еще пару выстрелов. Потом нападавшие выбежали на улицу и уехали.

– А почему вы решили, что они уехали? Может быть, они убежали?

– Я услышал шум отъезжающей машины.

– Так. А лиц их вы случайно не запомнили?

– Я их лиц просто не видел. У меня зрение слабое – видите, очки ношу. К тому же они далеко от меня были.

– Еще один вопрос: раньше этот мужчина в белой шляпе появлялся в вашем дворе?

– Нет. Пожалуй, нет. Во всяком случае, я его не припоминаю.

– Ладно, спасибо вам, Валерий Олегович! До свидания!

Я вышла из квартиры Феоктистова и направилась еще к одному свидетелю. Здесь мне пришлось долго стоять у двери и нажимать на кнопку звонка. Прошло минут десять, и только тогда в коридоре за дверью послышались чьи-то осторожные шаги.

– Откройте, пожалуйста, – попросила я.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Я частный детектив Татьяна Иванова. Расследую убийство, которое произошло у вас во дворе неделю назад, поэтому...

– Я ничего не знаю, ничего не видела и не слышала! – неожиданно бурно отреагировала женщина, так и не открывая мне.

Ну что же, будем общаться через дверь!

– Будьте добры, пригласите, пожалуйста, Павла Алексеевича Мезенцева.

– Нет его дома!

– Но он здесь проживает?

– Здесь, и что? Все, что он видел, он уже рассказал следователю. Не понимаю, чего вы пришли. Лучше бы за порядком следили, тогда бы людей и не стреляли, как зайцев.

Я почувствовала, что женщина на взводе, и решила, что лучше сейчас уйти. К хозяину квартиры я могу заявиться и позже. А вообще-то понять такую реакцию можно: люди слишком напуганы убийством.

Поэтому я спустилась на первый этаж и позвонила в квартиру Данилы.

– Это ты, радость моя? – раздался певучий высокий мужской голос.

Дверь распахнулась, и в проеме показался парень лет двадцати трех. У него были длинные белокурые волосы с мелкими завитками на концах и очень чисто выбритое лицо. Одет он был в длинный махровый халат, из-под которого виднелись пижамные брюки.

– Ой, – смутился парень, – а я думал, что это Левчик...

– Вам знаком этот человек? – Я вынула увеличенную фотографию Крашенинникова и сунула ее Даниле под нос.

– Ой, какой интересный мужчина! – заметил Данила. – Но что же мы здесь стоим? Проходите, пожалуйста. Сюда, сюда... Ах нет, давайте лучше на кухню! Здесь у меня не прибрано – видите, какой беспорядок...

То, что он назвал беспорядком, выглядело как довольно миленькая комнатка со свежим ремонтом, в которой стояли пестрая ширмочка, комодик, два кресла, горка и широкая софа. Но Данила все-таки повел меня на кухню, не выпуская из рук фотографию Крашенинникова, и присел на угловой диванчик.

– Да вы садитесь, садитесь, – предложил он мне, пододвинув круглый табурет, и чихнул. – Простите, я несколько нездоров. С детства, знаете ли, маюсь простудами, а они у меня, как правило, плавно перетекают в воспаление легких. Вот и приходится травить себя антибиотиками. Самый эффективный – для меня, по крайней мере, – это сумамед. А тут прихватило конкретно: температура 39 градусов, кашель, разбитость. Жуть, словом.

Я решила прервать этот монолог. Взяла из его рук фотографию Крашенинникова и повторила свой вопрос:

– Так как же все-таки насчет знакомства с этим мужчиной?

– Нет, к сожалению, я с ним не знаком, – спохватился Данила. – А что, он что-то натворил?

– Нет, это с ним натворили. Застрелили его около вашего подъезда.

– Ой! – воскликнул Данила. – Какой ужас! А вы...

– А я частный детектив Татьяна Иванова, занимаюсь расследованием этого убийства.

– Ой, впервые вижу частного детектива! – обрадовался мой собеседник. – Кстати, меня зовут Данила.

Он протянул мне сложенную горкой ладонь. Я машинально ее пожала.

– Данила Полянский, – повторил он. – А когда это произошло? Когда застрелили этого интересного мужчину? Вот ведь изверги! Да, Татьяна, давайте-ка я сварю кофе, и мы с вами побеседуем. Сейчас.

Данила повернулся к плите, достал из навесного шкафчика банку с моей любимой арабикой, кофемолку и турку и принялся со знанием дела готовить кофе, продолжая при этом рассказывать о своей болезни.

– Ну, в общем, с такой температурой я не смог выйти в аптеку и попросил своего друга принести сумамед. А он притащил азитромицин – российский аналог сумамеда. И вот, представляете, Татьяна-а, полегчало мне где-то часа через три после приема первой таблетки: температурка нормализовалась, кашелек прекратился... Но потом та-а-кое началось! Вся побочка заявила в гости: руки немеют, тахикардия, кожа на спине и боках ноет, словно я сильно обгорел на солнце. И в придачу ко всему этому начался псориаз: все тело и все лицо обсыпало – ужас! Теперь вот сижу дома, боюсь на людях показаться. Я ведь стилист, на меня смотрят, оценивают. Так что теперь только сумамед и ничего более!

Мне уже порядком надоело слушать о недугах этого юноши, и я решила вернуть беседу в нужное мне русло.

– Данила, неделю назад, пятого сентября, вечером у подъезда вашего дома был застрелен Максимилиан Крашенинников, – напомнила я ему.

– Ах нет, меня здесь не было. Я был у своего друга. Вам ведь нужно мое алиби, правильно я мыслю?

На редкость эгоцентричный молодой человек.

– Мне нужно установить, был ли этот мужчина знаком с кем-то из вашего дома, – ответила я, оставив без внимания его вопрос по поводу алиби.

– Из нашего дома? Был ли с кем-то знаком? Не знаю. Но, возможно, я смогу выяснить, был ли он с кем-то знаком из... из людей нашего круга.

Кстати, такие сведения тоже могут очень даже пригодиться. Причины неудачного брака могут быть какими угодно, однако и эту нельзя оставлять без внимания. Кто может сказать точно, какая ориентация была у самого Крашенинникова? Хмельницкая вряд ли была настолько хорошо осведомлена о личной жизни своего племянника, чтобы быть в курсе таких ее моментов. Мне же сейчас была важна любая мелочь, любая зацепка, проливающая свет на личность Крашенинникова.

– Ах, давайте уже пить кофе!

Данила поставил на стол две кофейные чашечки, сахарницу, вазочку с печеньем, разлил кофе и сделал глоток.

– Ах, божественно! – сказал он, прикрыв глаза. – Пейте, Татьяна-а!

Он манерно отставил в сторону аккуратно подстриженный и отполированный мизинец и сделал еще несколько глотков. Я отпила из своей чашечки. Кофе действительно получился отменный, ничего не скажешь.

– Спасибо, Данила, вы сварили очень вкусный кофе. Вот вам моя визитка. Звоните в любое время. До свидания!

Уф! Кажется, в этом расследовании меня постоянно будут окружать болтл... словоохотливые люди.

Я шла к своей «девятке» и по пути размышляла. Что же получается? Крашенинников, возможно, искал кого-то в этом доме, а за ним уже следили преступники. Максимилиан не нашел нужного ему человека или нашел, но того не оказалось дома. Тогда он вышел из подъезда, и в этот момент его застрелили. Двух – нет, сразу четырех человек можно исключить: это Серебрянников, Феоктистов, Мезенцев и Полянский. А остальные? Будет ли толк, если я обойду все оставшиеся квартиры? Никакого. Если допустить, что такой человек и живет в этом доме, то не факт, что он мне в этом признается. К тому же мне важно узнать, кто стрелял в Крашенинникова. Вот только как это сделать?

Я решила пойти в соседний двор. Известно, что преступники скрылись на машине именно оттуда. Может быть, кто-то из жильцов видел эту машину.

Это был самый заурядный тарасовский двор с детской площадкой, горкой, песочницей и каруселькой. Обычно он бывает полон ребятишек с мамочками и бабушками. Детки играют в песочнице, катаются на карусели и взбираются на горку. Мамы и бабушки следят за непосадами, чтобы те не разбили себе коленки и не расквасили носы. Но сейчас двор был почти пуст. Только на одной из лавочек сидели две женщины-пенсионерки и о чем-то беседовали. Недалеко от них два подростка лет двенадцати – тринадцати увлеченно склонились над планшетником.

Я подошла к женщинам и поздоровалась, а затем спросила:

– Скажите, вы из этого дома?

– Я здесь живу, – ответила одна из женщин.

– А я приехала в гости к внукам, – сказала другая.

– К ним? – я показала в сторону подростков.

– Да, это мои Миша и Гоша. Дочь вчера позвонила и говорит: «Мама, приезжай, у нас недавно такое случилось! Мужчину в соседнем дворе застрелили, а в нашем дворе убийцы машину оставили. А дети в тот вечер как раз почти в это самое время домой возвращались, представляешь? Я теперь боюсь мальчишек одних гулять отпускать!» Ну сначала сваха внуков пасла, теперь она уехала отдыхать, а я ей на смену вышла.

– А я как раз по этому поводу. Я частный детектив Татьяна Иванова, расследую это убийство. Могу я задать вашим внукам несколько вопросов?

Она ответила не сразу.

– Что ж, если это очень важно...

– Очень важно! – заверила ее я.

– А их не будут потом таскать по судам?

– Их никуда не вызовут: я же веду частное расследование. Все, что они расскажут, в официальные документы не попадет.

– Тогда ладно, сейчас я их позову, – согласилась она и крикнула внукам: – Миша, Гоша, идите сюда!

Подростки нехотя оторвались от своего занятия и подошли к нам.

– Мальчишки, – сказала их бабушка, – вот Татьяна... – она взглянула на меня.

– Александровна, – подсказала я.
– Татьяна Александровна расследует убийство мужчины в соседнем дворе. Ей надо задать вам несколько вопросов.

Мальчишки с любопытством уставились на меня.

– Скажите, ребята, вы видели в тот вечер машину, на которой скрылись несколько человек в темных спортивных костюмах?

– Видели! – почти хором ответили они.

– Расскажите, что вы видели, – попросила я.

– Ну, вон там, – один из подростков показал рукой на выход из двора, – стояла тачка такая суперская! Джип «Гранд Чероки», черный весь.

– Номер запомнил? – спросила я.

– Запомнил! Т357ОК.

– А вот и нет! – возразил его брат. – Номер был Т360ОК.

– Да хорош, Миха, накалывать!

– Ничего я не накалываю! Это ты известный наколист!

– Я? Это ты все время втираешь!

– Эй, эй, парни! Остановитесь! – вмешалась я. – Давайте восстановим ход событий. Вы вместе находились в этом дворе, когда неизвестные в черном сели в машину и уехали. Так?

– Нет, – опять хором проговорили ребята.

– А как же было дело?

– Ну, короче, я первый пришел сюда и стал ждать Гошку.

– А я задержался и пришел позже Михи, – пояснил его брат.

– Значит, Михаил видел номер Т357ОК, так? – уточнила я.

– Да, точно. Такой был номер, – подтвердил Михаил.

– А что было потом? Выстрелы ты слышал?

– Ага, слышал. Три – или нет, четыре выстрела было. Я еще подумал, что у нас снимают кино, – ну, когда эти в черном в машину попрыгали.

– Кино! – передразнил его Гоша. – Мужика-то того замочили по-взрослому! А ты – кино!

– Ладно, пошли дальше, – сказала я. – Гоша, насколько позже Миши пришел во двор ты?

– Ну минут на пять. Или семь, – ответил он.

– Машина уже отъезжала? – задала я очередной вопрос.

– Да, она уже прилично проехала, но я все равно точно видел: Т360ОК! Этот номер был! – упорно твердил он.

– Во заливаает! – покачал головой Михаил. – Они что тебе, сразу сменили номера, да? Татьяна Александровна, разве можно сменить номера за несколько минут?

– Не знаю, Миша, – ответила я.

– Точно я говорю: Т360ОК, – твердил свое Гоша.

– Ладно, мальчики, разберемся! Спасибо вам за помощь! До свидания!

А действительно, за какое время реально сменить номера у машины? Наверное, все-таки потребуется больше пяти минут, если только у преступников нет какого-нибудь ноу-хау.

Однако мои магические кости меня не обманули: невероятная удача, что я встретила Мишу и Гошу! Ведь можно было совершить поквартирный обход, спрашивая всех подряд о марке машины и ее номерах – как, по словам Кириянова, и сделал один из его сотрудников, – и не выяснить ровным счетом ничего!

Теперь можно возвращаться туда, где я разговаривала со свидетелями убийства Крашенинникова. Нужно еще пообщаться с Мезенцевым, супруга которого наотрез отказалась открыть мне дверь, – возможно, он уже вернулся домой.

Я уже подходила к квартире Павла Алексеевича Мезенцева, когда с лестничного пролета выше этажом спустился мужчина средних лет с мусорным ведром в руках. Он остановился как раз у нужной мне квартиры.

– Павел Алексеевич? – спросила я его.

– Да, это я, – ответил мужчина.

– Мне нужно с вами поговорить. Я частный детектив Татьяна Иванова, веду расследование убийства Максимилиана Крашенинникова.

– Но я уже все рассказал следователю, – Мезенцев пожал плечами, – ничего нового сообщить не могу.

– Возможно, мои вопросы будут несколько иными. Где мы могли бы поговорить?

– Проходите. – Он открыл дверь и пошел вперед.

Я последовала за ним.

Мы расположились в гостиной, интерьер которой составляли типовой набор мягкой мебели – два кресла и диван – и стенка с секретером. Я села в кресло, хозяин – в другое кресло, напротив журнального столика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.